

УДК 930.1

Ю.А. Разинов*

К ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ТРАКТОВКЕ ЛОЖНОГО

Статья посвящена экзистенциальной аналитике ложного. Ложное трактуется как определенный модус бытия в мире, фундированный в повседневности.

Ключевые слова: истина, ложь, экзистенциал, падение, Dasein.

Основополагающий тезис М. Хайдеггера относительно природы истины и лжи сводится к тому, что это не просто характеристики восприятия или мышления некоего субъекта. Истинность и ложность берутся в отношении целостности человека и характеризуют конституцию бытия в мире. Это модусы присутствия (Dasein), а не представления правильные или неправильные. В этом плане ставится задача: «Истину надо осмыслить как фундаментальный экзистенциал» [1, с. 297]. Спрашивается, какое следствие вытекает из данного положения относительно природы ложного? Ответ, данный в «Бытии и времени», крайне лаконичен: «Присутствие равноисходно существует в истине и неистине» [1, с. 223], из чего следует, что ложь также должна быть понята экзистенциально. Желая подчеркнуть экзистенциальный статус и вместе с тем отмежеваться от гносеологической трактовки лжи в смысле «неистины», Хайдеггер пытается представить ее как «неподлинность» (Unechtheit) экзистенции, а последнюю понимает как «несобственность» (Uneigentlichkeit). Быть подлинно, значит, отвечая сущности Dasein, быть самостью и наоборот: избегать самости значит быть неподлинно, то есть отклоняться от сути бытия и идти против истины¹.

Концепты подлинного и неподлинного не истолкованы Хайдеггером, но и без того ясно, что с их помощью выражается экзистенциальный смысл истинного и ложного как *модусов присутствия*. Если истинное и ложное в обычном смысле характеризуют *содержание* высказывания, то подлинное и неподлинное — само *высказывание* как событие говорящего, как некую внутреннюю действительность высказывания и высказываемого. Иными словами, подлинное и неподлинное относятся к человеческой жизни как таковой. В этом ключе Хайдеггер говорит о *понимании*, характерном для повседневного бытия людей (das Man). Это тот вид упрощенного и усредненного понимания, который основан на «невхождении в “существо дела”» и нечувствителен «ко всем различиям уровня и подлинности (Echtheit)» [1, с. 127]. Такое понимание является ложным в указанном смысле. Повсеместная *растолкованность* порождает мнимость людей, что они ведут полную и подлинную «жизнь». Она «вносит в присутствие успокоенность, для которой все состоит «в лучшем порядке» и которой распахнуты все двери» [1, с. 177]. Свойственное людям *любопытство* опять-таки не свидетельствует об отношении к истине, которой *вроде бы* озабочены. Анализ

* © Разинов Ю.А., 2013

Разинов Юрий Анатольевич (razinov.u.a@gmail.com), кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

¹ Переводчик «Бытия и времени» В.В. Бибихин в ряде случаев заменяет термин Uneigentlichkeit словом «неподлинность», теряя коннотацию «собственности» (Eigentlichkeit), которую предполагает прилагательное Eigen (собственный, свойственный, особый).

феноменов «людскости» (*толки, любопытство, двусмысленность, падение и брошенность*) приводит Хайдеггера к заключению, что «присутствие в себе самом *запутывается*», срывается в «беспочвенность и ничтожество собственной повседневности» и в конечном счете теряет себя и «живет в падении *прочь от себя*» [1, с. 178–179]. Короче говоря, неподлинность – это модус присутствия в том смысле, что человек может экзистировать как в направлении истины своего бытия, так и прочь от нее, что является *равноисходными* возможностями.

Тезис о равноисходности имеет принципиальное значение. Он означает, что истина и ложь принадлежат основоустройству присутствия, то есть являются основными экзистенциалами, в которых проявляется нередуцируемая к простому основанию *реальная сложность* конституции Dasein. Термин «равноисходность» (Gleichursprünglichkeit) Хайдеггер всякий раз применяет именно там, где, во-первых, хочет подчеркнуть «многосложность конститутивных бытийных черт», а во-вторых, представить существование как *выбор возможностей*. Dasein выбирает и осуществляет ту или иную возможность, «живет» в горизонте «собственных» и «несобственных» проектов, заботясь об одних и упуская из виду другие. У Платона душа, изначально пребывавшая в мире идей и знавшая истину, а затем выпавшая из нее, впадает в «неистовство», не выбирая. Хайдеггер же располагает Dasein в *мире* и посреди *мира*, в котором происходит истинный или ложный выбор. Это значит, что «место» для ложного находится не в «голове», даже если речь идет о преднамеренном обмане, а в самой конституции бытия-в-мире, где тот же обман, хитрость, лукавство – экзистенциальные проекты, вытекающие из превратностей самой жизни. Ложь же в общепринятом смысле «искажения действительности» – это проекция фундаментальной структуры превратного бытия на «экран» жизни. При этом ложным может оказаться не только *способ* реализации экзистенциального проекта, но и сам проект.

Такое ложное Хайдеггер выражает термином «промаха»: Dasein, как бытие-в-мире, повсеместно промахивается мимо своих аутентичных возможностей. Последнее заключается не в том, что человек проскакивает мимо какого-то сущего, а в том, что он уклоняется от своего *собственного* бытия. Присутствие «теряет себя» и «*может* заблудиться и обзнаться в себе» [1, с. 144]. Dasein «бросает» и «промахивается», «ловит» и «упускает»: охотничий словарь хайдеггеровской феноменологии выражает основное дело человека, каковым, по образному выражению В.А. Конева, является «охота на бытие» [3]. Таким образом, Хайдеггер имеет в виду не только методологический аспект промаха (методологический промах), но онто-онтологический смысл ложного существования (экзистенциальный промах). Размыкание горизонта наличных целей – основное условие события «вот». Напротив, снижение планки, сужение горизонта целей и отказ от рисков «заступающей решимости» – поступь неподлинного бытия. Когда Хайдеггер говорит, что «решимость конституирует *верность* (Treue) экзистенции своей самости» [1, с. 391], то обратный смысл этого утверждения означает *измену*, которую Хайдеггер находит в феномене *падения* (Verfallen).

«Падение Dasein» – наиболее важная тема в экзистенциальной аналитике. Verfallen связано с феноменом публичности и есть брошенность присутствия в *публичность людей*. При этом титул «падение» не выражает никакой негативной оценки, так как образует «основообраз бытия повседневности». В публичности как способе бытия *людей* (das Man) Dasein *отпадает* от собственной способности-быть-самостью, растворяясь в бытии-друг-с-другом. При этом несамим-собой-бытие функционирует как *позитивная* возможность человека, озабоченного «миром». Вызывая аллюзию с платонизмом, Хайдеггер подчеркивает: «Падение присутствия нельзя поэтому брать и как «грехопадение» из более чистого и высшего «прасостояния»» [1, с. 176]. Иными словами, срыв в *несобственность* – это нормальный феномен *людей*, в котором про-

является *фактичность* их существования. Притом что человек, стремящийся к истине сущего и подлинности своего присутствия, находится в силовом поле размыкающего «зова бытия», *на деле*, то есть *фактически*, «ближайшим образом» и «большей частью» он придерживается замыкания, отчуждаясь от своей сущности. Отчуждение здесь понимается чисто *антропологически* — как самоактуализация человека (в качестве *das Man*), а не как результат воздействия внешних и объективных обстоятельств и сил в смысле марксовской концепции отчуждения. Замыкаясь в себе и отчуждаясь от себя, *Dasein падает* в неподлинное (ложное) существование.

Падение характеризует онтологическую структуру самого присутствия. Оно показывает, что неподлинное бытие публичного человека фундировано в повседневности. Анализ повседневности станет впоследствии предметом нового направления — феноменологической социологии (А. Шюц, Т. Лукман, П. Бергер и др.). Как следует из ключевых положений этой социологии, именно повседневная рутинность социальных взаимодействий, их символизация и типизация служат, с одной стороны, конституции «общего мира», но, с другой стороны, являются экранами, скрывающими реальные противоречия между индивидами. Одним из ключевых положений феноменологической социологии и этноментодологии и социологии знания является хайдеггеровский тезис о том, что повседневные отношения между людьми строятся на основании «невхождения в существо дела» (М. Хайдеггер). Это «невхождение» и конституирует банальную ложь повседневности. Эксперименты Х. Гарфинкеля показали, что повседневность является интерпретированной и определённой (по Хайдеггеру, «растолкованной») не потому, что смысл взаимодействия отрефлексирован его участниками, а потому, что он, напротив, ускользает от рефлексии. Более того, попытки прояснения, детализации и уточнения смысла оборачиваются нарушением нормальной коммуникации. Когда мы справляемся о здоровье друг у друга или интересуемся делами в семье или на службе, мы проявляем *общественную* солидарность. Однако эта солидарность, как правило, носит *нететический*, нерелексивный характер. За исключением особых случаев, спрашивающих не интересуется клиническая картина здоровья или состояние дел на личном фронте. По этой причине подробный рассказ о «болячках» в организме или душевных проблемах вызывает желание закончить разговор. Эксперименты Гарфинкеля показали, что банальный вопрос «как дела?» предполагает ритуальное взаимодействие. Подробный отчет, выходящий за рамки ожидаемых ответов («хорошо», «как обычно», «потихоньку»), вызывает раздражение, а стратегия уточняющих вопросов («о каких делах ты спрашиваешь?», «тебе в самом деле это интересно знать?») воспринимается как вызов. Поэтому в ожидаемо усредненном ответе так же, как и в вопросе, симметричным образом происходит избегание сути дела. По этому поводу Гарфинкель замечает: «Для целей *выполнения их повседневных действий* люди отказываются разрешать друг другу понимать таким образом “то, о чем они на самом деле говорят”» [4, с. 52]. Выражая сочувствие или выказывая терпимость, но не проявляя при этом глубокой заинтересованности в существе дела, люди не находятся в разомкнутости бытия, действуют по негласному протоколу и зачастую просто лицемерят. Такая *протокольная* ложь естественна, ибо повседневный круг забот и автоматизм их исполнения не предполагает размыкания субъективного мира другого. Взять, к примеру, феномен *соучастия*, публичное выражение которого считается общественной нормой. Солидарность — великая сила социального. Однако за ее открытым выражением отнюдь не всегда стоит подлинное согласие. Выражая озабоченность бытием другого: голодающих детей, немощных стариков, больных и инвалидов, но не осознавая и не оценивая меры своего участия в нем, люди идут на попятную, как только проясняется «цена вопроса». Стоит признать, что «общий мир» повседневности формируется прежде всего на основе *формального* со-участия, а не

действенного у-частия, которое, являясь «чудом» самопожертвования, выходит за границы рутинных взаимодействий. В указанном смысле неотрефлексированного акта, обусловленного порывами «прекрасной души», общественная солидарность зачастую носит мнимый (ложный) характер. Об этом мы узнаем по тому замешательству, которое вызывает перевод отношения в план рефлексии. «Ты говоришь, что сочувствуешь, а сиделкой у больного станешь?», «ты говоришь, что любишь, а женишься?» – такого рода вопросы ставят в тупик. Вместе с тем они образуют расщелины в структуре растолкованной повседневности, *провоцируя* ее на раскрытие «тайны», состоящей в том, обычное взаимодействие не требует уточнения смысла, и даже наоборот, страдает от «излишней» смысловой определенности.

Таким образом, анализ феномена «падения Dasein» в сочетании с концептами «жизненного мира» и «естественной установки» раскрывает пространство социальной жизни как сферу искажений и превратностей, имеющих основание в самой структуре повседневности, где «местом» истинного и ложного оказывается не сфера субъективности, а область *интерсубъективных* взаимодействий.

Библиографический список

1. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
2. Конев В.А. Охота на бытие // Ничто и порядок. Самарские семинары по французской философии: коллективная монография. Самара: Универс групп, 2004. С. 94–106.
3. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. С. 52.

*Yu.A. Razinov**

ABOUT EXISTENTIAL INTERPRETATION OF FALSE

The article is devoted to the analysis of existential foundation of false. False is interpreted as a certain mode of being in the world, funded in everyday life.

Key words: truth, lies, existential, falling, Dasein.

* *Razinov Yuriy Anatolievich* (razinov.u.a@gmail.com), the Dept. of Philosophy of Humanitarian Faculties, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.